

УДК 316.2

doi:10.21685/2072-3016-2022-2-6

Семен Людвигович Франк как социолог русской революции

В. П. Кошарный

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

val_kosh@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Социологическое наследие С. Л. Франка – неотъемлемая часть истории русской социологии. Особый интерес здесь представляет тема революции и социологическое осмысление революционных событий в России. Предмет исследования – социология революции С. Л. Франка. Цель исследования – выявление основных подходов и методологических установок русского мыслителя к решению проблемы революции. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования трудов С. Л. Франка, других русских и зарубежных мыслителей первой половины XX в., исследований современных российских ученых, посвященных рассматриваемой проблематике. Методологический инструментарий включает сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет показать оригинальность историко-социологических взглядов русских мыслителей на проблему революции. *Результаты.* Раскрываются теоретические источники социологии революции С. Л. Франка, осмысливается ее содержание, показываются различные подходы и уровни философско-социологического осмысления проблемы революции. Подчеркивается, что в религиозной рефлексии революции обнаруживается попытка выявления духовных оснований революции. *Выводы.* На основе анализа историко-социологических источников делается вывод о том, что данный тематический срез отечественного историко-социологического процесса позволяет расширить общетеоретический взгляд на революцию путем включения в него таких аспектов, которые определяли видение революции не только как политического или социального феномена, но и как события религиозного и метафизического.

Ключевые слова: социология революции, смысл революции, природа революции, духовный кризис, революция духа, преодоление (изживание) революции, принятие революции, религиозная рефлексия революции

Для цитирования: Кошарный В. П. Семен Людвигович Франк как социолог русской революции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 65–73. doi:10.21685/2072-3016-2022-2-6

Semyon Lyudvigovich Frank as a sociologist of the Russian revolution

V.P. Kosharnyy

Penza State University, Penza, Russia

val_kosh@mail.ru

Abstract. *Background.* The sociological heritage of S.L. Frank is an integral part of the history of Russian sociology. Of particular interest here is the theme of the revolution and the sociological understanding of the revolutionary events in Russia. The subject of the research is the sociology of the revolution by S.L. Frank. The purpose of the study is to

identify the main approaches and methodological guidelines of the Russian thinker to solving the problem of revolution. *Materials and methods.* The implementation of research tasks was achieved through the use of the works of S.L. Frank, other Russian and foreign thinkers of the first half of the 20th century, and the research of modern Russian scientists devoted to the issues under consideration. Methodological tools include a comparative historical method, the use of which allows us to show the originality of the historical and sociological views of Russian thinkers on the problem of revolution. *Results.* The theoretical sources of the sociology of revolution by S.L. Frank are revealed, its content is comprehended, various approaches and levels of philosophical and sociological understanding of the problem of revolution are shown. It is emphasized that the religious reflection of the revolution reveals an attempt to identify the spiritual foundations of the revolution. *Conclusions.* Based on the analysis of historical and sociological sources, it is concluded that this thematic section of the domestic historical and sociological process allows expanding the general theoretical view of the revolution by including in it such aspects that determined the vision of the revolution not only as a political or social phenomenon, but also as an event religious and metaphysical.

Keywords: sociology of revolution, meaning of revolution, nature of revolution, spiritual crisis, revolution of spirit, overcoming (outliving) of revolution, acceptance of revolution, religious reflection of revolution

For citation: Kosharnyy V.P. Semyon Lyudvigovich Frank as a sociologist of the Russian revolution. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2022;(2):65–73. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2022-2-6

Семен Людвигович Франк (1877–1950) – один из крупнейших российских религиозных философов первой половины XX в., создатель одного из вариантов философии всеединства [1–3].

Свои религиозно-философские взгляды он называл «христианским реализмом». «Истинный реалист, – писал он в работе “Духовные основы общества”, – тот, кто умеет, поднявшись на высоту, обозреть широкие дали, увидеть реальность в ее полноте и объективности» [4, с. 18]. Предмет социальной философии и социологии, полагал он, – это полное и объективное исследование общества. Теперь нужно отметить одну важную особенность методологии социального познания, без уяснения которой трудно понять существо его размышлений о природе общественных явлений.

Среди мыслителей разных эпох, оказавших заметное влияние на С. Л. Франка, обычно называют неоплатоников, прежде всего Плотина, Николая Кузанского, Спинозу, В. С. Соловьева. Здесь мы выделим Кузанского с его идеей совпадения противоположностей, которые предполагают друг друга и примиряются на более глубоких уровнях. Отмечая эту особенность, Ф. Буббайер пишет, что Франк «был философом, стремившимся “примирить” различия, открыть лежащие в основе вещей единство и гармонию» [2, с. 7]. Следы такого подхода мы обнаруживаем во многих произведениях мыслителя, в том числе и тех, что посвящены анализу русской революции.

После этих предварительных замечаний перейдем к собственно предмету данной статьи.

С. Л. Франк темы революции в России, факторов, способствующих ее вызреванию и осуществлению, касался во многих работах. Он был участником всех программных сборников русских философов, социологов, экономистов, посвященных русской интеллигенции и революции: «Проблемы

идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из Глубины» (1918). Проблематика русской революции является центральной в книге «Крушение кумиров» (1924), в статьях «Из размышлений о русской революции» (журнал «Русская мысль», 1923, № VI–VIII) и «Религиозно-исторический смысл русской революции» в сборнике «Проблемы русского религиозного сознания» (1924) и др.

Чтобы избежать субъективистских объяснений причин русской революции, С. Л. Франк полагал необходимым выявить общие исторические условия ее возникновения, а также внутреннюю природу духовных процессов, которые проявились в ходе революции. Причем наиболее глубоким будет то объяснение, при котором внимание будет сосредоточено на духовно-религиозных сторонах революционного процесса. С другой стороны, адекватное истолкование причин и результатов русской революции невозможно без выяснения проявления в ней всемирно-исторических процессов и национального своеобразия.

Кризисные явления во всех областях социальной жизни, потеря стабильных духовных ориентиров и разрушение мировоззренческих основ бытия, поразившие Россию начала XX в., С. Л. Франк считал естественным результатом последовательно разворачивающихся в европейском пространстве последних четырех столетий событий, определивших магистральный путь европейского общества. Окончание этого пути и неизбежность корректировки всей системы ценностей и выражала русская революция. Реперными точками европейского цивилизационного развития были «духовный мятеж Ренессанса», Реформация в XVI в., революция в Англии XVII в., эпоха Просвещения, которую венчала Великая французская революция, и, наконец, XIX в. – век демократических движений и возникновения революционного социализма. С. Л. Франк видел в этих последовательных событиях постепенное понижение уровня духовной жизни в обществе и усиление революционных настроений. «Не есть ли русская социалистическая революция начала XX в. имманентное логическое завершение этого процесса?» – задает вопрос С. Л. Франк [5, с. 293].

Но исходный пункт – рационалистический гуманизм Ренессанса, который, по словам Н. А. Бердяева, послужил «закваской новой истории» [6, с. 108]. Христианский идеал богочеловечества рационалистический гуманизм подменил идеалом человекобожества. Анализируя экзистенциальную диалектику Достоевского, раскрывающую внутреннюю противоречивость возрожденческого гуманизма, Н. Бердяев в «Русской идее» отмечал, что человечность, «оторванная от Бога и Богочеловека, перерождается в бесчеловечность» [7, с. 125]. Безрелигиозный гуманизм, возвысив человека, оторвал его от божественного начала. Акцент в системе человеческих целей и ценностей оказался смещенным изнутри на периферию, вовне. Отдаленным результатом стала победа в России разрушительного революционного социализма с его материализмом, атомистическим представлением об обществе как арене внешнего столкновения разъединяющих, эгоистических сил и отрицанием, как считал С. Л. Франк, подлинно созидательных и объединяющих сил общества – «именно органических внутренне-духовных сил общественного бытия» [8, с. 487].

Констатируя, что русская революция и русский социализм вполне вписываются в общечеловеческую историческую эволюцию, что идеи заимствованы, правда в переработанном виде, на Западе, С. Л. Франк одновременно

указывает и на национальное своеобразие русской революции и русского социализма. Революция, как она совершилась в России, определялась во многом особенностями исторического развития страны, своеобразием ее духовной истории. Социализм в России – это азиатский социализм. Демократия в России, в отличие от западной, характеризуется прежде всего необузданным радикализмом, отвергающим государство, собственность, классовое господство, существующие формы правления, религию и, в перспективе, национальные формы жизни. Активное меньшинство народа, составляющее ядро революции, фанатически и бескорыстно предано социалистическим идеалам, что и определило ее успех. Это, по мнению русского мыслителя, свидетельствует о ее духовной природе.

«Лишь в силу такой своей идейной природы, реальность которой мы считаем и социологически бесспорной, и фактически удостоверенной беспристрастным наблюдением, русская революция становится вообще историческим явлением, и тем самым явлением духовного порядка» [5, с. 295]. Жажда свободы и самостоятельности, безграничной силы народной воли в деле рационального переустройства жизни, надежда с помощью науки преобразовать общество и достичь наисовершеннейшего его состояния – все это в конечном счете результат религиозного максимализма, характерного для русских людей и вытекающего из него нигилизма [9, с. 126–128].

Нигилизму в рамках анализа нравственного мировоззрения русской интеллигенции была посвящена статья С. Л. Франка «Этика нигилизма» в сборнике «Вехи». Уже после революции 1905–1907 гг. С. Л. Франк возлагал ответственность за революционные события на русскую интеллигенцию, ее «моральное и философски-культурное мировоззрение» [10, с. 167]. Революционное движение, как он считал, определялось духовными силами интеллигенции – ее жизненным опытом, верованиями, нравственными установками. Следовательно, важнейшей задачей исследования причин, характера и целей русской революции является анализ ее духовного фундамента. В составе последнего на первом плане – мораль, нравственные оценки и мотивы. Другие ценности и идеалы – истины, красоты, религиозные ценности – имеют в мирозерцании интеллигенции второстепенное значение, интеллигенция не признает никаких абсолютных ценностей. Такое умонастроение Франк характеризует как морализм, а морализм интеллигенции есть лишь отражение нигилизма, который и выражает суть мировоззрения русской интеллигенции. Из абсолютизации субъективных интересов народа следовало, что высшей задачей человека является служение народу. «Нигилизм и морализм, безверие и фантастическая суровость нравственных требований, беспринципность в метафизическом смысле – ибо нигилизм и есть отрицание принципиальных оценок, объективного различия между добром и злом – и жесточайшая добросовестность в соблюдении эмпирических принципов, т.е. по существу условных и непринципиальных требований, – это своеобразное, рационально непостижимое и вместе с тем жизненно крепкое слияние антагонистических мотивов в могучую психическую силу и есть то умонастроение, которое мы называем нигилистическим морализмом» [10, с. 176]. Отсюда вытекало утилитаристское истолкование культуры как средства субъективных эмпирических целей, что и проявилось в идеологии народничества в виде нигилистического утилитаризма, который выступил в альтруистической форме

служения народу и форме «религии абсолютного осуществления народного счастья» [10, с. 179]. Франк полагал, что не эмпирический, а принципиальный революционизм основывается на социальном оптимизме, который в свою очередь опирается на так называемую «механико-рационалистическую теорию счастья», согласно которой причины, мешающие справедливому устройству общества, находятся вне человека, в изъянах общественного механизма. Поэтому задача состоит в устранении помех, разрушении существующих форм общественных отношений. Главную морально-философскую опору революционизма С. Л. Франк видел в абсолютизации начала борьбы, в то время как в процессе общественных изменений необходимо сосредоточиться на созидании. Русский интеллигент – это «воинствующий монах нигилистической религии земного благополучия» [10, с. 193].

Уже после революционных событий в России 1917 г., находясь в эмиграции, С. Л. Франк продолжил развивать эту тему. Русская революционная вера в разум, по словам Франка, есть по сути своей нигилистический рационализм, отрицающий высшие, сверхчеловеческие начала и признающий лишь самодостаточный человеческий разум в деле переустройства общества. А социализм как идеал и цель революционных действий – «лишь выражение этого нигилистического рационализма в области социально-экономической». Русская революция, умозаключает мыслитель, представляет собой «всенародное проявление нигилизма» – этого «исконно-русского умонастроения, вместе с тем тесно связанного с общечеловеческим развитием нового времени» [5, с. 299].

Обращаясь к вопросу об исторических корнях русского нигилизма в России, Франк указывает на его общеисторические корни: секуляризованный ренессансный гуманизм и вольнодумцев-вольтерианцев эпохи Екатерины Великой, испытавших сильнейшее влияние французского Просвещения. А в качестве отдаленного предшественника Франк называет даже Петра I, который и был первым русским нигилистом. Семена нигилизма затем проникли в среду разночинцев в 60-е гг. XIX в., затем в слои, исповедующие революционный радикализм, в 1970-е гг., а в начале XX в. распространились в широких народных массах.

С. Л. Франк вовлекает в сферу своего анализа и идею социализма. Он говорит об общих моментах у либеральной демократии и социализма, и это общее он видит в том, что основной их мотив – сделать человека подлинным хозяином своей жизни, самостоятельно занимающимся организацией своей жизни. Но социалисты видели внутреннюю противоречивость формальной свободы при реализации идеалов либеральной демократии, указывали, что формально свободный человек может оказаться игрушкой в стихии рыночных отношений, которая не в состоянии что-нибудь сделать. Поэтому понастоящему свободным человек может быть только в коллективе, обладающем средствами для рационального переустройства жизни. При этом формальной свободой личности придется пожертвовать. Логика рассуждения Франка здесь напоминает ход мысли одного из персонажей «Легенды о Великом инквизиторе» из «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского.

Угасание религиозности, сопровождавшее всю историю новоевропейского развития, привело к отрыву личности от глубинных онтологических ее корней и, как следствие, к духовному истощению человека. И это в полной

мере обнаружилось в теории и практике социализма. Человек в социализме уже не самобытное духовное существо, а существо природное, стремящееся к политическому и экономическому господству и материальному благополучию. Но в России этот процесс проходил с рядом особенностей. Здесь не были реализованы идеи либерально-буржуазной демократии. Так случилось, что сложившаяся на Западе система ценностей не затронула глубин самобытной русской души. Православная Россия, не затронутая идеалами Реформации, сохранила свой духовный потенциал. Но, с другой стороны, по мнению мыслителя, воздействие боготорческого гуманизма на западное сознание способствовало там выработке иммунитета против радикалистских идей, в нем содержащихся. В России этого не случилось. Отечественное общественное сознание не впитало в себя богатство идей, которое было характерно для начала эпохи Возрождения. Ему пришлось довольствоваться немногим. Духовное развитие России конца XIX – начала XX в. являлось, по словам С. Л. Франка, «запоздавшим суррогатом ренессанса и реформации, нам пришлось питаться уже не богатыми и сочными первыми плодами западного духа, а лишь последними черствеющими крохами и разлагающимися объедками с его пиршественного стола» [5, с. 313]. Именно поэтому на Западе историческое развитие не проходило в столь радикально разрушительной форме, как это случилось в России.

Между глубокой верой и полным безверием в России не было промежуточных форм. Идеи демократии и либерализма не прижились на русской почве.

«Русский человек – это человек крайностей: он либо имеет в своей душе “страх Божий”, подлинную религиозную просветленность, и тогда он являет черты благости и величия, изумляющие мир, либо же есть чистый нигилист, который уже не только теоретически, но и практически ни во что не верит и которому все позволено» [5, с. 315]. Об этих свойствах русской души писали многие русские мыслители первой половины XX в. Особенно ярко это делал Н. А. Бердяев, который связывал эти черты с тем, что в России слились «два потока мировой истории» – Восток и Запад, в ней объединились фактически два мира. Результатом борьбы этих миров и стало объединение в душе русского народа противоположных свойств: деспотизма и анархизма, жестокости и доброты, индивидуализма и коллективизма, религиозности и безбожия, рабства и бунта [7, с. 31]. Максимализм идей, как правило, вызывает максимализм средств. На ветвистом дереве европейской цивилизации, восходящем своими корнями глубоко в историю, русская интеллигенция, как отмечал в свое время С. Н. Булгаков, выбрала только одну ветвь. Но дерево европейской цивилизации имеет разнообразные плоды, ветви и корни, питающие его и обезвреживающие своими соками многие ядовитые плоды. «Поэтому даже и отрицательные учения на своей родине, в ряду других могучих духовных течений, им противоборствующих, имеют совершенно другое психологическое и историческое значение, нежели когда они появляются в культурной пустыне и притязают стать единственным фундаментом русского просвещения и цивилизации» [11, с. 40].

В России доминирующей идеологией, полагал С. Л. Франк, стал нигилизм, пренебрегавший духовным началом в обществе. Но рядом с ним была и

глубокая религиозность народа, что и предопределило характер русской революции. Раскрывая религиозно-исторический смысл последней, С. Л. Франк отмечал, что говорить о каких-то положительных завоеваниях революции нельзя, но нельзя и говорить, что «революция не имеет никакого исторического смысла. Все, что достигнуто революцией... есть ускорение темпа некоторых социальных и духовных процессов, которые совершались уже до революции и совершались бы и без нее» [12, с. 14–15]. Революция – явление многофакторное, но она не может быть и случайностью. Рациональными средствами невозможно выявить ее смысл. «Но если под основанием или смыслом разуместь... наличность глубоких стихийно-теологических, как бы сверхчеловеческих космических сил истории, лишь проявлениями орудий которых служат воли и оценки отдельных участников революции, то русская революция, как и все революции, имеет исторический смысл» [12, с. 15]. Глубинные силы в иной форме продолжают действовать и после революции, поэтому для преодоления революции нужно овладеть этими силами, понять их существо.

Революционные события в России подвели итог европейскому развитию, начало которому положила эпоха Возрождения. Русская революция обнаружила практическую несостоятельность идеала реформирования общества, не пронизанного духовным началом. Идеал внешней, механической перестройки общества должен быть заменен органическим, творческим процессом, основанным на приоритете духовных ценностей. И наконец, новая, пореволюционная, интеллигенция должна перейти от нигилистического морализма и революционного социализма к религиозному гуманизму, направленному на творчество и созидание. После октября 1917 г. С. Л. Франк, пытаясь ослабить ответственность интеллигенции за крайне разрушительный характер революции, проявление в ней экстремизма, писал о том, что русская интеллигенция в конечном счете в ужасе отшатнулась от грандиозного пожара, который все же был следствием ее деятельности.

Преодоление революции, избавление от ее последствий, о чем мечтали и писали многие представители пореволюционного зарубежья, возможно только на пути познания и овладения ее внутренними силами. Некоторые при этом считали, что нужно противопоставить лозунгам революции свои, контрреволюционные. Другие (сменовеховцы) видели выход в частичной капитуляции. И то и другое, по мнению С. Л. Франка, – заблуждение. Он полагал, что окончательное решение вопроса о преодолении революции должно лежать не столько в социально-политической плоскости, сколько в духовно-идеологической, через нравственно-религиозное перерождение сознания людей, поскольку самые глубокие корни революции он видел не в социализме или анархизме, «а в духовной неудовлетворенности народа, в исканиях целостной и осмысленной жизни» [12, с. 45].

Проведенный анализ историко-социологических источников позволяет сделать вывод о том, что данный тематический срез отечественного историко-социологического процесса позволяет расширить общетеоретический взгляд на революцию путем включения в него таких аспектов, которые определяли видение революции не только как политического или социального феномена, но и как события религиозного и метафизического.

Список литературы

1. Сборник памяти Семена Людвиговича Франка / под ред. протоиерея отца Василия Зеньковского ; при участии Н. С. Арсеньева [и др.]. Мюнхен : [Б. и.], 1954. 192 с.
2. Буббайер Ф. С. Л. Франк: Жизнь и творчество русского философа. 1877–1950 : пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия, 2001. 328 с.
3. Семен Людвигович Франк / под ред. В. Н. Поруса. М. : Российская политическая энциклопедия, 2012. 589 с.
4. Франк С. Л. Духовные основы общества. М. : Республика, 1992. 511 с.
5. Франк С. Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Проблемы русского религиозного сознания : сб. ст. / Б. Вышеславцев, Н. Бердяев, Л. Карсавин [и др.]. Берлин : YMCA-Press, 1924. С. 286–324.
6. Бердяев Н. Смысл истории. М. : Мысль, 1990. 173 с.
7. Бердяев Н. Русская идея. СПб. : Азбука-классика, 2008. 318 с.
8. Франк С. Л. De profundis // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С. 478–499.
9. Назарова О. Философия истории Семена Людвиговича Франка // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 126–128.
10. Франк С. Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мирозрения русской интеллигенции) // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С. 167–199.
11. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С. 31–72.
12. Франк С. Л. Из размышлений о русской революции // Русская идея : в 2 т. / сост. В. М. Пискунов. М. : Искусство, 1994. Т. 2. С. 8–44.

References

1. Zen'kovskiy Vasilii protoierey (ed.). *Sbornik pamyati Semena Lyudvigovicha Franka = Collection in memory of Semyon Ludvigovich Frank*. Myunkhen: [B. i.], 1954:192. (In Russ.)
2. Bubbayer F. S.L. *Frank: Zhizn' i tvorchestvo russkogo filosofa. 1877–1950: per. s angl. = S.L. Frank: the life and works of a Russian philosopher. 1877–1950: translated from English*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2001:328. (In Russ.)
3. Porus V.N. (ed.). *Semen Lyudvigovich Frank = Semyon Ludvigovich Frank*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2012:589. (In Russ.)
4. Frank S.L. *Dukhovnye osnovy obshchestva = Spiritual foundations of society*. Moscow: Respublika, 1992:511. (In Russ.)
5. Frank S.L. Religious and historical meaning of the Russian revolution. *Problemy russkogo religioznogo soznaniya: sb. st. = Problems of Russian religious consciousness: collected articles*. Berlin: YMCA-Press, 1924:286–324. (In Russ.)
6. Berdyayev N. *Smysl istorii = The meaning of history*. Moscow: Mysl', 1990:173. (In Russ.)
7. Berdyayev N. *Russkaya ideya = The Russian idea*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2008:318. (In Russ.)
8. Frank S.L. *De profundis. Vekhi. Iz glubiny = Milestones. From the depth*. Moscow: Pravda, 1991:478–499. (In Russ.)
9. Nazarova O. Philosophy of history by Semyon Ludvigovich Frank. *Voprosy filosofii = Philosophy issues*. 2009;(1):126–128. (In Russ.)
10. Frank S.L. Ethics of nihilism (On the characteristics of the moral worldview of the Russian intelligentsia). *Vekhi. Iz glubiny = Milestones. From the depth*. Moscow: Pravda, 1991:167–199. (In Russ.)
11. Bulgakov S.N. Heroism and asceticism. *Vekhi. Iz glubiny = Milestones. From the depth*. Moscow: Pravda, 1991:31–72. (In Russ.)
12. Frank S.L. From reflections on the Russian revolution. *Russkaya ideya: v 2 t. = The Russian ides: in 2 volumes*. Moscow: Iskusstvo, 1994;2:8–44. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Валерий Павлович Кошарный

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии
и социальных коммуникаций,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: val_kosh@mail.ru

Valeriy P. Kosharnyy

Doctor of philosophical sciences, professor,
professor of the sub-department
of philosophy and social communications,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 23.03.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 11.04.2022

Принята к публикации / Accepted 05.05.2022